

И. М. БОГУСЛАВСКИЙ

СФЕРА ДЕЙСТВИЯ
ЛЕКСИЧЕСКИХ
ЕДИНИЦ

STUDIA PHILOLOGICA

Богуславский Игорь Михайлович родился в 1950 году, закончил Отделение структурной и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ в 1972 году. С 1973 по 1985 годы работал в институте «ИНФОРМЭЛЕКТРО» в группе Ю. Д. Апресяна. В 1985 году в составе этой группы перешел в Институт проблем передачи информации (ИППИ) АН СССР. В настоящее время — заведующий лабораторией компьютерной лингвистики ИППИ РАН. Защитил докторскую диссертацию в 1993 году. Научные интересы — семантика, синтаксис, логический анализ языка, компьютерная лингвистика. Основные работы — «Исследования по синтаксической семантике» (М., «Наука»), «Лингвистическое обеспечение системы ЭТАП-2» (в соавторстве с Ю. Д. Апресяном, Л. Л. Иомдиным и др.; М., «Наука», 1989), «Лингвистический процессор для сложных информационных систем» (в соавторстве с Ю. Д. Апресяном, Л. Л. Иомдиным и др.; М., «Наука», 1992).

STUDIA PHILOLOGICA

И.В. БОГУСЛАВСКИЙ

СФЕРА ДЕЙСТВИЯ
ЛЕКСИЧЕСКИХ
ЕДИНИЦ

И. М. БОГУСЛАВСКИЙ

СФЕРА ДЕЙСТВИЯ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

Школа
•ЯЗЫКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ•
Москва 1996

ББК 81.2Р-3
Б 74

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект 96-04-16124

Богуславский И. М.

Б 74 Сфера действия лексических единиц. - М.: Школа
«Языки русской культуры», 1996. - 464 с.

ISBN 5-88766-030-9

Предлагается общая теория сфер действия лексических единиц. Эта теория ставит своей целью описание того, как значения отдельных слов, входящих в состав предложения, объединяются в единое целое, образующее значение всего предложения. Основным механизмом, управляющим объединением значений отдельных единиц в более крупные семантические комплексы, является механизм заполнения семантических валентностей. Монография состоит из трех частей. В первой части дается определение понятия сферы действия как обобщение понятия актанта, строится типология возможных соотношений сфер действия лексемы на синтаксическом и семантическом уровнях. Во второй части предлагается подробное сопоставительное описание сфер действия нескольких классов слов и ряда уникальных лексем (*только, даже, не, еще, уже* и др.). В третьей части показывается, каким образом учет сфер действия лексем позволяет продвинуться в решении таких разнородных проблем общего языкознания, как иерархия типов имплицитных значений, миропорождающие обстоятельства, природа и способы разрешения синтаксических конфликтов и др.

ББК 81.2Р-3

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

Except the Publishing House (fax: 095 246-20-20, E-mail: lrc@koshelev.msk.su) the Danish bookseller firm G·E·C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavic@gad.dk) has an exclusive right on selling this book outside Russia.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства Школа «Языки русской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G·E·C GAD.

ISBN 5-88766-030-9

© И. М. Богуславский, 1996

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	9
----------------	---

Часть I

ПОНЯТИЕ СФЕРЫ ДЕЙСТВИЯ

ГЛАВА 1. АКТАНТЫ И СФЕРА ДЕЙСТВИЯ	21
1. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ	21
2. АКТАНТЫ	23
3. УПРАВЛЯЕМЫЕ ВАЛЕНТНОСТИ: КАНОНИЧЕСКОЕ И НЕКАНОНИЧЕСКОЕ ЗАПОЛНЕНИЕ	24
3.1. Регулярное изменение управления	25
3.2. Согласование	26
3.3. Сочинение в функции подчинения	28
4. СИНТАКСИЧЕСКИЕ ПОЗИЦИИ АКТАНТОВ	32
5. ПОНЯТИЕ СФЕРЫ ДЕЙСТВИЯ ЛЕКСЕМЫ	43
6. СФЕРА ДЕЙСТВИЯ И SCORE	46
ГЛАВА 2. ВАЛЕНТНАЯ СТРУКТУРА ТЕМПОРАЛЬНЫХ АДВЕРБИАЛОВ	49
1. СХЕМА ОПИСАНИЯ ВАЛЕНТНЫХ СВОЙСТВ	49
2. КОЛИЧЕСТВО И СОСТАВ ВАЛЕНТНОСТЕЙ ТЕМПОРАЛЬНЫХ АДВЕРБИАЛОВ	50
3. СПОСОБЫ ЗАПОЛНЕНИЯ ВАЛЕНТНОСТЕЙ	71
4. ТЕМПОРАЛЬНЫЕ АДВЕРБИАЛЫ И МОМЕНТ РЕЧИ	75
4.1. Совпадение временного ориентира с моментом речи	76
4.2. Несовпадение временного ориентира с моментом речи	82
ГЛАВА 3. НЕИЗОМОРФИЗМ СИНТАКСИЧЕСКОЙ И СЕМАНТИЧЕСКОЙ СФЕРЫ ДЕЙСТВИЯ	85
1. НЕПРЯМОЕ ЗАПОЛНЕНИЕ ВАЛЕНТНОСТЕЙ: НУЛЕВАЯ СД ^{сем}	85
1.1. Валентности, выражаемые при функциональном глаголе	86
1.2. Субъектная валентность неличного глагола	87
2. НЕЛЕКСИЧЕСКОЕ ЗАПОЛНЕНИЕ ВАЛЕНТНОСТИ	88
3. СД ^{сем} — ЧАСТЬ ЛЕКСИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ СЛОВОФОРМЫ	90
3.1. Частица <i>только</i> и предикаты со значением ‘достаточно’	91
3.2. СД темпоральных обстоятельств типа <i>завтра</i> и <i>на завтра</i>	100
3.2.1. Обстоятельства типа <i>завтра</i>	102
3.2.2. Обстоятельства типа <i>на завтра</i>	105
3.2.3. Проблема описания	109
4. СД ^{сем} — ГРАММАТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ СЛОВОФОРМЫ	116
5. СД ^{сем} — ЗНАЧЕНИЕ СИНТАКСИЧЕСКОЙ КОНСТРУКЦИИ	117
6. СД ^{сем} — ЗНАЧЕНИЕ КОММУНИКАТИВНОЙ ЕДИНИЦЫ	118
6.1. Отрицание и противопоставление	118
6.2. Союз <i>или</i> и контрастная тема	124
7. СД ^{сем} — ЗНАЧЕНИЕ РЕФЕРЕНЦИОННОЙ ПРИРОДЫ	127

7.1. СД ^{сем} анафорических местоимений	127
7.2. Родовой денотативный статус и предикаты изменения состояния	129
8. СД — ЗНАЧЕНИЕ РЕЧЕВОГО АКТА	137
8.1. Вопрос в СД наречий	137
8.2. Вопрос и СД союза <i>и</i>	139
8.2.1. Постановка задачи	139
8.2.2. Союзы <i>и</i> и <i>или</i>	140
8.2.3. Объединительная и разделительная интерпретации ИГ	142
8.2.4. Множественные и сочиненные ИГ в вопросительных и утвердительных предложениях	143
8.2.5. Значение вопроса	145
8.2.6. Вопрос и конъюнкция	146
8.2.7. Прагматические различия	149
8.2.8. Почему же <i>и</i> может осмысляться дизъюнктивно?	150

Часть II

СД УНИКАЛЬНЫХ СЛОВ

ГЛАВА 4. ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ <i>ЕДИНСТВЕННЫЙ</i> В СОПОСТАВЛЕНИИ С ЧАСТИЦЕЙ <i>ТОЛЬКО</i>	155
1. СИНТАКСИС ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО <i>ЕДИНСТВЕННЫЙ</i>	156
1.1. Конструкция типа <i>единственное письмо, которое пришло вовремя</i>	158
1.1.1. Соотношение со связочной конструкцией	158
1.1.2. Соотношение с элективной конструкцией	159
1.1.3. Смысловая связь	160
1.2. Конструкция типа <i>Иван единственный пришел вовремя</i>	162
1.2.1. Прототипическая копредикативная конструкция	165
1.2.2. Кванторно-копредикативная конструкция	167
1.2.3. Конструкция с <i>единственный</i>	174
1.3. Конструкция типа <i>Единственный, кто пришел вовремя, — это Иван</i>	180
1.3.1. Синтаксическая структура	181
1.3.2. Допустимые связи	185
1.3.3. Допустимые союзные слова	189
1.3.4. Форма подлежащего и предикатива	190
1.3.5. Отступление про синтаксически двойственную природу	197
2. ЗНАЧЕНИЕ И ВАЛЕНТНОСТИ СЛОВА <i>ЕДИНСТВЕННЫЙ</i>	201
3. СФЕРА ДЕЙСТВИЯ СЛОВА <i>ЕДИНСТВЕННЫЙ</i>	202
3.1. Определительная конструкция	203
3.1.1. <i>Единственный</i> интонационно не маркировано	203
3.1.2. <i>Единственный</i> интонационно маркировано	208
3.2. Элективная конструкция	208
3.3. Атрибутивная конструкция	209
3.4. Связочная конструкция	211
3.5. Кванторно-копредикативная конструкция	215
3.6. Конструкции с обособлением	216
4. СФЕРА ДЕЙСТВИЯ СЛОВА <i>ТОЛЬКО</i>	221
5. РЕШЕНИЕ ЗАДАЧ	224
ГЛАВА 5. СООТНОШЕНИЕ ЗНАЧЕНИЯ И СФЕРЫ ДЕЙСТВИЯ ЛЕКСЕМ <i>УЖЕ, ЕЩЕ И ТОЛЬКО</i>	227

1. УЖЕ: 'РАНО' VS. 'ПОЗДНО'	227
2. ДВА СПОСОБА КОНКРЕТИЗАЦИИ ОЖИДАНИЯ: 'СОБЫТИЕ' VS. 'ВРЕМЯ'	228
3. ОПИСАНИЕ: СД-ПРАВИЛО И МОДИФИКАЦИЯ ТОЛКОВАНИЯ ...	230
4. СООТНОШЕНИЕ МЕЖДУ ЕЩЕ И УЖЕ	237
5. СООТНОШЕНИЕ МЕЖДУ УЖЕ = 'РАНО' И УЖЕ = 'ПОЗДНО'	247
6. ЗАКЛЮЧЕНИЕ	252
ГЛАВА 6. ЕЩЕ И ОТРИЦАНИЕ	255
1. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ	255
2. КОНТИНУАЛЬНОЕ И АДДИТИВНОЕ ЕЩЕ	258
2.1. Синтаксические позиции и просодия <i>еще</i> ² и <i>еще</i> ³	263
2.2. Сфера действия <i>еще</i> ² и <i>еще</i> ³	274
2.2.1. Смещение	275
2.2.2. Валентность Р: неизоморфизм СД ^{сем} и СД ^{синт}	276
2.2.3. Валентность Р: сочетания с модальными предикатами	279
2.2.4. Валентность Р: сочетания с обстоятельствами	279
2.2.5. Валентность Q: количественные и определительные зависимые	280
2.2.6. Валентность Q: семантически несамостоятельные именные группы	285
2.2.7. Валентность Q: сочинительные цепочки	286
2.2.8. Валентности Р и Q: сочетания с глаголами	286
3. ЕЩЕ И ОТРИЦАНИЕ: УЖЕ НЕ VS. БОЛЬШЕ НЕ	291
3.1. Значение выражений <i>уже не</i> и <i>больше не</i>	292
3.2. СД выражений <i>уже не</i> и <i>больше не</i>	296
3.3. Внутреннее строение выражений <i>уже не</i> и <i>больше не</i>	299

Часть III

**НЕТРИВИАЛЬНЫЕ СФЕРЫ ДЕЙСТВИЯ И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ОБЩЕГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ**

ГЛАВА 7. ДАЖЕ И ПРОБЛЕМА КОМПОЗИЦИОНАЛЬНОСТИ: СЕМАНТИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СЛОЖНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ	305
1. ЗНАЧЕНИЕ ЧАСТИЦЫ ДАЖЕ И ЕЕ ПРОСТЕЙШИЕ СФЕРЫ ДЕЙСТВИЯ	305
2. МОДИФИКАЦИЯ ТОЛКОВАНИЯ	314
3. ПЕРВЫЙ ТИП НЕТРИВИАЛЬНЫХ СД ЧАСТИЦЫ ДАЖЕ	318
3.1. Постановка проблемы	318
3.2. Подъем отрицания	321
3.3. Отказ от подъема отрицания	322
3.4. ¹ СД <i>даже</i> и отрицание	325
3.5. Возможные контексты для ¹ СД: отрицательная поляризация	326
3.6. В какой мере сложное предложение построено из простых?	335
ГЛАВА 8. ДАЖЕ И СТРАТЕГИИ ПОНИМАНИЯ	343
1. ВТОРОЙ ТИП НЕТРИВИАЛЬНЫХ СД ЧАСТИЦЫ ДАЖЕ (^{II} СД)	343
2. СООТНОШЕНИЕ ЭЛЕМЕНТОВ НА ШКАЛЕ ОЖИДАНИЯ	350
3. КОНТРИМПРИМЕРЫ	352
4. ЗАЧЕМ НУЖНА ШКАЛА В ТОЛКОВАНИИ ДАЖЕ?	356

5. СТРАТЕГИИ ПОНИМАНИЯ	358
ГЛАВА 9. НЕ, ТОЛЬКО, ДАЖЕ И ИЕРАРХИЯ ИМПЛИЦИТНЫХ ЗНАЧЕНИЙ	363
1. МОДАЛЬНАЯ РАМКА В ЗНАЧЕНИИ ДОСТАТОЧНОСТИ	364
2. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЗНАЧЕНИЯ ДОСТАТОЧНОСТИ С ЧАСТИЦАМИ.....	367
2.1. Частица <i>даже</i>	367
2.2. Частица <i>не</i>	368
2.3. Частицы <i>не</i> и <i>даже</i>	368
2.4. Частица <i>только</i>	370
3. КОНФЛИКТ ИМПЛИЦИТНЫХ ЗНАЧЕНИЙ.....	373
ГЛАВА 10. АДВЕРБИАЛЫ И СООТНОШЕНИЕ ИСХОДНОЙ И ПРОИЗВОДНОЙ ПРОПОЗИЦИЙ.....	377
1. НЕСОВПАДЕНИЕ РЕФЛЕКСОВ ГЛАГОЛОВ.....	378
2. КОРЕФЕРЕНТНОСТЬ ИМЕННЫХ ГРУПП	380
2.1. Неопределенные и вопросительные местоимения и производная пропозиция	380
2.2. Анафорические местоимения и производная пропозиция.....	382
ГЛАВА 11. СОЧИНИТЕЛЬНЫЕ СОЮЗЫ И СИНТАКСИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ.....	389
1.1. Принцип однофункциональности сочиненных членов ..	390
1.2. Вторичная союзная связь.....	392
2. СОЮЗНЫЕ СОЕДИНЕНИЯ И ОДНОМЕСТНЫЕ СОЮЗЫ.....	398
3. НЕКАНОНИЧЕСКИЕ СОЧИНИТЕЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ С СОЮЗНЫМИ СОЕДИНЕНИЯМИ.....	401
3.1. Смещение	404
3.2. Асимметричное сокращение.....	410
4. АСИММЕТРИЧНАЯ КОНСТРУКЦИЯ ТИПА «ПЕРЕНОС БЕЗ ОПУЩЕНИЯ»	416
4.1. Разновидности этой конструкции	416
4.2. Конструкция «Перенос без опущения» как способ разрешения синтаксического конфликта.....	421
5. ИСТОЧНИКИ КОНФЛИКТА	429
5.1. Семантический источник конфликта	430
5.2. Синтаксический источник конфликта.....	430
5.3. Сочетаемый источник конфликта	432
5.4. Коммуникативный источник конфликта	433
6. ДРУГИЕ СПОСОБЫ РАЗРЕШЕНИЯ КОНФЛИКТА	433
7. ЗАКЛЮЧЕНИЕ	436
ГЛАВА 12. МИРОПОРОЖДАЮЩИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА И ПРИКЛАДНАЯ СЕМАНТИКА.....	437
1. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕССОР И ЕГО СЕМАНТИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ	437
2. ЛОКАТИВНЫЕ И МИРОПОРОЖДАЮЩИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА....	441
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	450
ЛИТЕРАТУРА.....	451

ВВЕДЕНИЕ

В настоящей работе мы будем исходить из того очевидного факта, что каждое предложение построено из некоторого количества языковых единиц и что его значение каким-то образом сформировано из их значений. Это представление, которое иногда называют принципом композициональности (или принципом Фреге), в наиболее общей форме можно сформулировать так: значение выражения является функцией значений его частей и способа их синтаксического соединения (Partee 1984, Partee, Ter Meulen, Wall 1990: 318).

Впрочем, по поводу того, насколько Г. Фреге действительно был сторонником этого принципа, существуют обоснованные сомнения (Janssen (to appear)). Тем не менее, композициональность является стандартным принципом в логике и в философии языка и, в частности, играет фундаментальную роль в грамматике Монтегю. В лингвистике же этот принцип разделяется далеко не всеми. Автору не раз приходилось слышать удивленные возгласы коллег: «Неужели вы действительно верите в принцип композициональности?» На наш взгляд, однако, вопрос состоит не в том, чтобы принять или отвергнуть этот принцип в целом, а в том, чтобы найти для него подобающее место.

В самом деле, в наиболее естественной интерпретации этот принцип предполагает, что любое сложное языковое выражение, например, предложение, собирается из готовых структурных элементов. (Грамматика Монтегю идет еще дальше и требует строгого параллелизма между правилами синтаксиса и семантики: для каждого синтаксического правила, строящего сложное выражение из составных частей, должно быть сформулировано соответствующее семантическое правило, задающее семантический эффект такого соединения). Однако даже в более свободном понимании композициональный подход не учитывает некоторых важных аспектов функционирования языка и прежде всего — его творческой способности. Как мы знаем, мастер может заставить слово вести себя самым неожиданным образом: поворачиваться к нам различными гранями, мерцать отраженным светом, переливаться разнообразными оттенками, приобретать обертона и тому подобное. Какую бы метафору здесь ни использовать, очевидно, что нечего и мечтать каталогизировать подобные явления в каком бы то ни было словаре. Любое слово может подвергнуться непредсказуемому сдвигу значения. Иначе говоря,

язык — это употребление, *language is use*, и это совершенно несовместимо с идеей построения текста из заранее изготовленных кирпичиков.

Нередко утверждается, что если и можно с некоторой уверенностью говорить о значении целых высказываний, то «такой уверенности у нас нет, когда речь идет о частях высказывания. В особенности нет гарантии того, что то или иное слово имеет самостоятельное значение» (А. Bogusławski 1966). Еще более решительно высказывался С. Карцевский, который писал: «Слово, попадая в высказывание (фразу), теряет свои контуры, превращаясь в члена фразы, единицу смысла. Во фразе ничто не интересуется словом: его составом, его позицией на других уровнях; слово перестает быть словом, превращаясь в новую единицу или в частицу более крупной единицы» (Karcevskij 1931: 224—225). И далее: «C'est le tout qui explique les parties, et non le vice-versa» (Karcevskij 1931: 227). Трудно найти более яркую формулировку принципа антикомпозициональности.

Соображения такого рода обычно приводят к выводу о том, что объектом семантического анализа могут быть только целые высказывания, и притом взятые в широком словесном и ситуационном контексте. Тем не менее, все эти справедливые замечания сами по себе еще не дают достаточных оснований для того, чтобы полностью отвергнуть концепцию построения сложных объектов из более простых. Вряд ли кто-нибудь будет всерьез спорить с тем, что, скажем, в сочетаниях *зеленый забор* и *зеленая крыша* содержится одно и то же слово *зеленый*, которое выполняет одну и ту же задачу: приписывает объекту некоторое свойство, причем одно и то же в обоих случаях. Отказ от подобных утверждений, или, что то же самое, отказ от принципа композициональности как такового, ведет в конечном счете к отрицанию существования каких бы то ни было воспроизводимых языковых единиц и, в частности, слов. В этом случае не имело бы никакого смысла составлять словари, или, по крайней мере, словарь не имел бы никакого теоретического статуса. Это, конечно, крайность.

Не оспаривая утверждения о первичности анализа высказываний, хочется все же исходить из того, что значения высказываний являются сложными образованиями и определенным образом складываются из значений более простых единиц, входящих в их состав. Скептицизм относительно осмысленности отдельных частей высказываний в значительной степени связан с недостаточностью наших знаний о механизмах, управляющих объединением значений отдельных единиц в значение целого высказывания.

Нам представляется, что принцип композициональности совершенно разумен и его следует придерживаться как можно дольше — до тех пор, пока языковой материал не окажет ощутимого сопротивления. Этот момент и будет знаменовать границу применимости этого принци-

па. Чем больший путь удастся пройти по дороге композициональности без ущерба для адекватности описания, тем меньше окажется число исходных элементов описания и, следовательно, тем выше степень достигнутого обобщения.

Принцип композициональности не следует понимать слишком механистично. Построение предложения — это все-таки не сборка игрушки из детского конструктора. Значения лексем, морфем, синтаксических конструкций и других значимых единиц языка объединяются в единое целое на основе довольно сложных правил, и поэтому значение предложения нельзя рассматривать как простую сумму входящих в него элементов. Соединение значений элементов предложения может быть столь неочевидным, что часто нелегко определить, каким именно элементом предложения привнесено в него то или иное значение. Тем не менее, для каждого конкретного значения, входящего в состав предложения, существует какой-то источник. Значение не может взяться из ничего. В идеале, для каждого смыслового компонента предложения лингвист должен уметь определять, чем именно он внесен в предложение, какой элемент за него отвечает. Не только каждый значимый элемент предложения имеет какой-то рефлекс в его семантической структуре, но и каждый элемент семантической структуры должен иметь определенный источник в предложении.

В частности, если имеются два близких, но не тождественных по смыслу выражения, мы должны не только указать различающиеся смысловые компоненты, но и обнаружить, за счет чего возникает различие.

Чаще всего отсутствие синонимии двух выражений обусловлено просто тем, что в них выступают не вполне синонимичные единицы, или же тем, что слова по-разному синтаксически связаны. Ниже мы не раз встретимся и с другими источниками смысловых различий. Обнаружение и описание подобных ситуаций — одна из сквозных тем данной книги.

Мы увидим, что во многих случаях смысловое различие может возникать при тождественных лексических значениях и одной и той же синтаксической структуре — за счет того, что значения слов по-разному соединяются.

Существуют особые языковые механизмы, которые соединяют значения отдельных единиц в более крупный семантический комплекс на основе синтаксической структуры предложения. Эти механизмы относятся к компетенции синтаксической семантики. Конкретнее, задача синтаксической семантики состоит в описании того вклада, который вносит в семантику предложения его синтаксис¹.

---

¹ С точки зрения семантической интерпретации, синтаксические конструкции можно с некоторой долей условности разделить на два класса: нагруженные и

Итак, нас интересует следующая задача: пусть дано предложение и известны, с одной стороны, значения всех входящих в него слов, а с другой стороны, известно, каковы синтаксические связи между ними. Требуется описать, каким образом значения отдельных слов складываются в совокупное значение всего предложения.

Основным способом объединения значений слов в более крупные смысловые фрагменты является заполнение валентностей. Изучение механизма этого заполнения становится, таким образом, одной из важнейших задач синтаксической семантики.

К настоящему времени в области изучения валентностей накоплен большой массив знаний. Существует и несколько хороших обзоров на эту тему; один из лучших — в книге Somers 1987. Первым, кто ввел в лингвистику достаточно разработанное понятие и сам термин «валентность», был, по-видимому, де Гроот (Groot 1949). Основы теории валентностей были заложены в таких работах, как Tesnière 1959, Мельчук 1964, Helbig 1971, Апресян 1974, Мельчук 1974, Helbig, Stepanova 1981, Helbig 1982, Welke 1988 и др. Несмотря на это многие важные аспекты теории валентностей изучены еще крайне недостаточно. В первую очередь это касается валентностей неглагольной лексики и способов их заполнения.

Как известно, понятие валентности первоначально возникло для описания семантико-синтаксических свойств глаголов. Позднее стали обсуждаться возможности, связанные с расширением области применимости понятия валентности, но в основном эти дискуссии не пошли дальше утверждения о том, что, помимо глаголов, валентности следует усматривать также у некоторых прилагательных (особенно в предикативном употреблении) и существительных (особенно производных от глаголов или прилагательных), таких, как нем. *böse* (+Gen) 'злой на кого-либо' (*Die Mutter ist ihrer Tochter böse* 'мать сердится на дочь'), англ. *glad* (*at/about something*) 'довольный чем-либо', *fight* (*for something*) 'борьба за что-либо' и т. п., поскольку выражения типа *the people's fight for freedom* 'борьба народа за свободу' в ряде отношений близки к глагольным

ненагруженные семантически. К первому классу относятся такие конструкции, в которых синтаксическими средствами выражаются полнозначные смыслы, такие, как смыслы 'приблизительно' и 'сможешь' в примерах *книг десять* 'приблизительно десять книг' и *Тебе этого не понять* 'ты не сможешь этого понять'. Именно для таких конструкций в концепции И. А. Мельчука вводятся специальные фиктивные глубоко-синтаксические лексемы (Мельчук 1974: 142). Ко второму классу принадлежат конструкции, непосредственно не передающие таких значений. Их семантический вклад состоит лишь в том, что они фиксируют связи между словами и тем самым определяют способ объединения значений этих слов в единое целое. Таковы, например, самые ходовые конструкции типа *Иван задумался, вспоминая о юности, двадцать лет* и т. п. В данной работе мы будем иметь дело главным образом с конструкциями второго класса.

предложениям типа *The people are fighting for freedom* 'народ борется за свободу' (Helbig, Schenkel 1973: 23, Sommerfeldt, Schreiber 1974, Sommerfeldt 1975, Teubert 1979, Allerton 1982). Как видим, в основе этих попыток лежала прежняя идея о том, что глагольность неотъемлемо входит в концептуальное ядро понятия валентности (ср., впрочем, Korhonen 1977: 172, Leech 1981: 199, Busse, Vilela 1986: 119, где допускаются валентности и у неотглагольных существительных, обозначающих отношения, таких, как *отец, дядя, племянник* и др.).

Принципиально новый шаг был сделан Ю. Д. Апресяном, который впервые отчетливо отделил понятие валентности от глагольности (Апресян 1974). В основе валентности, по Апресяну, лежит семантический анализ ситуации, с которой соотносится данное слово. На валентный статус может претендовать любой необходимый участник ситуации (*participant*), который выражается в предложении при данном слове. Эта идея поставила вопрос о валентностях на гораздо более ясную основу. Прежде чем говорить о валентностях, нужно полным и не избыточным образом описать ситуацию, обозначаемую данным словом. В таком описании будут непременно указаны все необходимые (= семантически обязательные) участники, ибо необходимый участник — это, по определению, такой, без которого слово нельзя адекватно истолковать. Конечно, вопрос о грани между необходимыми участниками ситуации и участниками, не являющимися таковыми, во многих случаях далеко не ясен. Существенно, однако, то, что сама проблема перенесена в другую плоскость. Это теперь вопрос, касающийся не теории валентностей, а семантической трактовки отдельных слов и классов слов. Если для данного слова предложено некое толкование, то набор его валентностей следует из толкования автоматически.

Если согласиться с таким подходом, то становится совершенно очевидно, что глаголы, хоть и составляют основной, прототипический класс валентных слов, но все же вовсе не обладают в этом отношении монополией. Если слово любой другой части речи обозначает ситуацию, имеющую переменных участников, обозначения которых могут быть систематически выражены в том же предложении, то и ему нет оснований отказывать в статусе валентного слова. В самом деле, сравним глагол *предшествовать* и предлог *до*. Оба слова выражают идею определенного временного соотношения двух событий; ср. предложения (1а) и (1б), в которых это соотношение устанавливается между событиями 'круглый стол' и 'конференция':

(1а) *Круглый стол предшествовал конференции.*

(1б) *Круглый стол состоялся до конференции.*

Ни у кого не возникает сомнений в том, что глагол *предшествовать* в (1а) имеет две валентности — предшествующего и последующего события. Но тогда те же валентности должны быть усмотрены и в (1б) у предлога *до*. Единственное отличие состоит в синтаксических позициях выражений, заполняющих эти валентности у глагола и у предлога: при глаголе *предшествовать* валентности заполнены подлежащим и дополнением, а при предлоге *до* — глагольной группой *круглый стол состоялся* и стоящим при предлоге именем (*конференция*).

Сделаем одно терминологическое замечание. Валентность, которая заполняется выражением, синтаксически подчиненным валентному слову, называют а к т и в н о й. Если же выражение, заполняющее валентность данного слова, не подчиняется ему, а само его подчиняет, то такую валентность принято называть п а с с и в н о й. В нашем примере обе валентности глагола *предшествовать* являются активными, поскольку глагол синтаксически подчиняет подлежащее и дополнения. В случае предлога *до* одна из валентностей также является активной (*до конференции*), а вторая оказывается пассивной, поскольку предлог синтаксически зависит от глагола (*состоялся до*).

Глагол — самый характерный носитель активных валентностей. Именно в глаголе активные валентности реализуются с максимальной полнотой и разнообразием, и именно глагольные валентности изучены лучше всего. Имеется несколько словарей валентностей и сочетаемости глаголов, охватывающих огромный фактический материал (см., например, Helbig, Schenkel 1968, Busse, Dubost 1974, Apresjan, Pall 1982, Engel, Savin 1983). Словарей валентностей существительных и прилагательных существует гораздо меньше (см., например, Sommerfeldt, Schreiber 1974 и Sommerfeldt, Schreiber 1977), и они также описывают только активные валентности. Пассивные валентности, которые характерны для таких классов слов, как наречия, прилагательные, предлоги, союзы и частицы, привлекали к себе гораздо меньше исследовательского внимания, а между тем они таят в себе массу неожиданностей.

В настоящей работе предпринимается попытка исследовать в первую очередь валентные свойства слов, имеющих пассивные валентности. Мы не ставили своей целью построить описание валентностей больших классов слов. Направленность нашей работы была в большей степени теоретической, чем практической. Исходя из того, что наиболее типичные, массовые классы явлений — если не лексикографически, то, по крайней мере, теоретически — освоены вполне удовлетворительно, мы стремились сосредоточиться скорее на явлениях редких, иногда даже уникальных. Эта установка неизбежно приводит к тому, что некоторые разделы книги (в частности, глава 3) могут производить впечатление лингвистической кунсткамеры, коллекции раритетов. Однако именно на этом пути, как нам кажется, можно ожидать большего про-

движения в теоретическом плане, поскольку только таким образом можно составить себе представление обо всем пространстве возможностей, с которыми необходимо считаться, говоря о валентностях и способах их заполнения, реально используемых языком.

Есть и другая польза от рассмотрения немассового материала. После столкновения с редкими, но яркими фактами не только расширяются наши представления о том, чего можно ожидать, но и нередко оказывается, что обнаруженные явления не столь уж и уникальны. Просто в более рядовых случаях они проявляются не столь контрастно и поэтому прежде не попадали в поле нашего зрения.

Изменение характера изучаемого материала потребовало и расширения теоретической базы исследования. Слова с пассивными валентностями обычно оставались вне зоны, традиционно считающейся областью интересов теории валентностей. Тот лингвистический инструментарий, который создавался с ориентацией на «классические» — активные — валентности, оказался совершенно недостаточным для описания свойств пассивных валентностей. Для охвата новых явлений было разработано понятие с ф е р ы (или области) д е й с т в и я валентного слова, являющееся прямым обобщением понятия актанта.

Это понятие, которое мы используем в настоящей работе в качестве основного рабочего инструмента, восходит к соответствующему логическому понятию. В выражениях логических языков у каждого квантора, оператора или связки есть своя сфера действия, то есть тот фрагмент формулы, на который распространяется воздействие данного квантора, оператора или связки. В логических языках сфера действия любого элемента автоматически задается синтаксическим строением формулы и расстановкой скобок. В естественном языке, к сожалению, проблема установления сферы действия, то есть говоря огрубленно, того фрагмента предложения, на который «воздействует» данное слово (более точная формулировка будет дана ниже, см. гл. 1), решается далеко не столь простым образом, в чем мы не раз убеждались в ходе данного исследования.

Предлагаемая вниманию читателей книга построена по следующему плану. Она состоит из трех частей, каждая из которых содержит несколько глав.

Первая часть посвящена теоретическому обоснованию и разработке понятия сферы действия. В главе 1 дается анализ понятия актанта и предлагается определение сферы действия как его обобщение. Такое обобщение необходимо в первую очередь для слов с п а с с и в н ы м и валентностями, такими как наречия, частицы, предлоги, союзы и другие типы слов с адвербиальной функцией. Все такие слова мы будем в дальнейшем для краткости называть а д в е р б и а л а м и. Вторая глава содержит детальное описание валентной структуры одного относительно широкого класса русских адвербиалов — наречий и предлогов

с темпоральным значением. В этой главе мы привлекаем для сопоставления соответствующий материал ряда других языков.

Один из важнейших фактов, связанных с нетривиальным заполнением валентностей, состоит в том, что необходимо различать сферы действия синтаксического и семантического уровней. Иначе говоря, между выражением, заполняющим данную валентность на синтаксическом уровне, и выражением, заполняющим ее на семантическом уровне, может не быть полного изоморфизма. В главе 3 рассматривается широкий спектр явлений такого рода. Основной вывод этой главы можно сформулировать так: значение, которое заполняет валентность лексемы, может быть выражено не только посредством отдельных слов, но и — в общем случае — посредством л ю б о й з н а ч и м о й е д и н и ц ы языка, включая единицы морфологической, синтаксической, коммуникативной и референционной природы.

Во второй части книги (главы 4, 5 и 6) даются подробные сопоставительные описания сфер действия нескольких уникальных слов: *только*, *единственный*, *еще*, *уже*, *больше не*.

Наконец, в третьей части (главы 7—12) нетривиальные сферы действия некоторых слов рассматриваются в связи с рядом проблем общего языкознания, таких как принцип композициональности, стратегии понимания, иерархия имплицитных значений, кореферентность именных групп в семантической структуре, синтаксические конфликты и их разрешение.

Работа организована вокруг нескольких сквозных тем, которые прослеживаются в разных главах. Прежде всего, это «дистанционное» взаимодействие валентных слов с остальным семантическим материалом предложения (нетривиальная сфера действия). Это такие ситуации, когда синтаксическая структура предложения не обеспечивает или обеспечивает не полностью нахождение материала для заполнения валентности. Об этом речь идет почти в каждой главе.

Одна из важнейших тем книги — поиск источника смысловых различий в тех случаях, когда два выражения состоят из одних и тех же слов, синтаксически связанных одним и тем же образом, но тем не менее отчетливо противопоставлены по смыслу. Как мы уже упоминали выше, часто дело здесь оказывается в том, что з н а ч е н и я с л о в соединены по-разному. Наиболее рельефно эта ситуация выступает тогда, когда в результате различий в соединении смыслов одно и то же слово вносит чуть ли не противоположный вклад в значение предложения. Так, частица *только* в сочетании со словами со значением ‘достаточно’ может вносить столь разные смыслы, как ‘большего не требуется’ и ‘меньшего не достаточно’ (см. разд. 3.1. гл. 3). Слово *уже* может интерпретироваться и как ‘поздно’, и как ‘рано’ (см. гл. 5). Частица *даже* может вносить в предложение противоположные ожидания в за-

висимости от того, выступает оно как самостоятельное предложение или является придаточным определенного типа (см. гл. 7). Та же частица *даже* способна обслуживать прямо противоположные семантические модели (условно названные *crescendo* и *diminuendo*) в зависимости от того, на какую стратегию понимания рассчитывает говорящий (см. гл. 8).

Важное место в книге занимает проблема канонического образца. Практически каждое лингвистическое явление может выступать в нескольких обличиях. С одной стороны, существует канонический, так сказать «химически чистый», вид явления. С другой стороны, канон неизбежно размывается в разных направлениях. В результате возникает картина, в которой исходный образец лишь угадывается. Расшатывание канона встретится нам в этой книге не раз. Наиболее яркие примеры — это, пожалуй, неканоническое заполнение валентностей (гл. 1, 3, 4) и строение кванторно-копредикативной и сочинительной конструкций (гл. 4 и 11).

Часто отрыв от канона стимулируется существованием другого центра притяжения. Возникает ситуация драматического конфликта, когда некоторый объект оказывается ареной борьбы разнонаправленных тенденций, в ходе которой он отталкивается от одного берега, но не пристает к другому. Характерными примерами здесь могут служить:

- глаголы типа *изловчиться*, которые присоединяют актанта необычным образом — с помощью сочинительного союза — в результате конфликта между обязательностью валентности и запретом на ее выражение с помощью инфинитива (разд. 3. гл. 1);
- родовые именные группы, занимающие промежуточное положение между кванторными словами типа *все/некоторые* и числовыми граммемами и в результате этого имеющие оба типа поведения (разд. 7.2. гл. 3);
- идентифицирующие предложения со словом *единственный*, разрывающиеся между связочным типом построения и типом расщепленного предложения и в результате оформляющие «субъектную» именную группу согласно двум разным стратегиям (разд. 1.3. гл. 4);
- конструкции с неодноместными союзами и союзными соединениями типа *и...и, не только..., но и*, которые лишаются свойственной им симметричности в силу конфликта между жесткой синтаксической моделью предложения и фактором линейного развертывания речи во времени (гл. 11).

Книга подводит итог многолетним изысканиям автора в области сфер действия слов разного типа. Многие фрагменты этой работы были опубликованы ранее. Тем не менее мы сочли возможным — после соот-

ветствующей переработки — включить эти разделы в книгу. Это мотивировано, в первую очередь, нашим стремлением обеспечить цельность книги и более полно продемонстрировать возможности предлагаемого подхода к описанию лексики, тем более, что ранние версии были опубликованы по большей части в труднодоступных изданиях.

Мне осталось выразить искреннюю признательность тем коллегам, с которыми я имел возможность обсуждать эту работу по мере того, как она создавалась. Больше всего мне удалось почерпнуть из бесед и дискуссий с Ю. Д. Апресяном, Н. Д. Арутюновой, О. Ю. Богуславской, В. Г. Гаком, М. Я. Гловинской, С. А. Григорьевой, Л. Л. Иомдиным, Г. Е. Крейдлиным, И. А. Мельчуком, Е. В. Падучевой, В. З. Санниковым и А. Д. Шмелевым.

Особенно многим я обязан моему учителю — Юрию Дерениковичу Апресяну, который на протяжении многих лет оказывал мне неизменную помощь и поддержку как научного, так и чисто человеческого характера.

Я признателен моим друзьям и коллегам по Лаборатории компьютерной лингвистики ИППИ РАН за тот созданный ими уникальный климат, благодаря которому работать в Лаборатории так легко и приятно.

Особое слово самой искренней благодарности — моей жене Оле. Она не только была моим самым строгим и доброжелательным критиком, но и делала все, что только могла, часто в ущерб собственной работе и другим интересам, чтобы максимально облегчить мне подготовку этой книги.

Часть I

ПОНЯТИЕ СФЕРЫ ДЕЙСТВИЯ

ГЛАВА 1

АКТАНТЫ И СФЕРА ДЕЙСТВИЯ

1. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Мы будем исходить из следующих посылок:

- полная модель естественного языка с необходимостью включает в себя описание соответствия между смыслом и воплощающим его текстом. На пути между тем и другим выделяются промежуточные уровни представления;
- среди этих уровней имеются семантический и синтаксический уровни. На первом из них описывается значение текста. Оно фиксируется в виде семантической структуры (СемС). На втором представлено синтаксическое устройство составляющих его предложений. Оно задается в виде их синтаксической структуры (СинтС);
- в задачу семантического компонента описания языка входит, в частности, установление соответствия между СемС и СинтС предложений.

Эти положения имеют достаточно общий характер, и все проблемы, которые будут обсуждаться ниже, а также решения, которые для них будут предлагаться, вообще говоря, могут мыслиться в рамках любой теории, разделяющей эти положения, и независимо от того, какой именно вариант СемС и СинтС в ней используется. Однако для того, чтобы наши построения могли быть достаточно конкретными, удобно принять в качестве отправной точки некоторую определенную модель, имеющую достаточно разработанный аппарат описания как СинтС, так и СемС. Такой моделью явилась для нас теория «Смысл ↔ Текст», развитая в работах И. А. Мельчука (см., прежде всего, Мельчук 1974, Mel'čuk 1988, Мельчук 1995). Впрочем, мы придерживались скорее духа этой теории, чем ее буквы. Это, в частности, отразилось в том, что мы не выделяем уровня глубинно-синтаксических структур, имеющего принципиальное значение в концепции И. А. Мельчука. Существенное

влияние на данную работу оказала и теория интегрального описания языка Ю. Д. Апресяна (см., прежде всего, Апресян 1974, Апресян 1980, Апресян 1995б). В частности, мы принимаем сложившийся к настоящему времени в рамках этих теорий взгляд на (поверхностно-) синтаксическую и семантическую структуру предложения, роль и структуру толкования лексических единиц, соотношение между словарем и грамматикой.

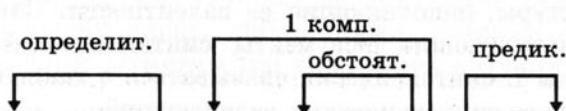
Конкретизируем понятия СемС и СинтС, используемые в нашей работе. СемС представляет собой выражение, построенное из смысловых единиц, соединенных друг с другом предикатно-аргументными отношениями. СемС снабжается необходимой информацией о коммуникативной организации текста, референциальных характеристиках его компонентов и т. п. В целях простоты и наглядности мы будем иногда задавать СемС либо в виде квазиформальной записи, либо просто выражением на русском языке.

В качестве СинтС предложения мы будем рассматривать то, что называют его поверхностно-синтаксической структурой. Описание поверхностного синтаксиса русского языка, на которое мы опираемся, было разработано группой лингвистов, в которую входил и автор, под руководством Ю. Д. Апресяна, в ходе построения систем автоматического перевода с французского и английского языков на русский и системы общения с базами данных на естественном языке (см. монографии Апресян и др. 1989 и Апресян и др. 1992).

Поверхностно-синтаксическая структура представляет собой дерево зависимостей, в узлах которого стоят имена всех лексем, входящих в состав предложения, вместе с их семантически обусловленными морфологическими характеристиками, а ребрами служат имена поверхностно-синтаксических отношений данного языка². Набор поверхностно-синтаксических отношений определяется тем множеством синтаксических функций, которые в данном языке маркируются синтаксическими средствами. Приведем несколько самых простых примеров поверхностно-синтаксических отношений: *п р е д и к а т и в н о е* отношение соединяет сказуемое с подлежащим, *1 - к о м п л е т и в н о е* отношение связывает слово с его первым дополнением, *о б с т о я т е л ь с т в е н н о е* отношение присоединяет к глаголу обстоятельство, *о п р е д е л и т е л ь н о е* отношение ведет от имени к согласованному с ним определению:

---

² В тех случаях, когда имена синтаксических отношений не будут существенны для наших рассуждений, мы будем позволять себе их опускать, оставляя в СинтС неименованные стрелки.

(1) *Притихшую толпу внезапно охватила паника.*

СинтС, так же, как и СемС, снабжается информацией о коммуникативной организации предложения и его референциальных характеристиках.

Если исходить из структур другого типа (например, из синтаксических структур с двумя вершинами — сказуемым и подлежащим — или из чистых структур составляющих), то изменится лишь форма наших рассуждений, но не их существо.

2. АКТАНТЫ

Задача семантического анализа предложения в качестве одной из важнейших составных частей содержит задачу выявления актанта в всех валентных лексем. Понятие актанта, восходящее к Л. Теньеру (Tessière 1959), в его современном виде возникает из рассмотрения валентных (или предикатных) слов, то есть таких слов, которые обозначают ситуации, имеющие некоторое число обязательных участников, выполняющих определенные роли.

Если лексема L описывает ситуацию, в которой есть обязательный участник X , то говорят, что у L есть (семантическая) валентность X (о том, что такое синтаксическая валентность, см. ниже). Слово имеет столько валентностей, сколько участников ситуации необходимо упомянуть, чтобы истолковать его исчерпывающим и избыточным образом (подробнее о толкованиях и о требованиях к ним см. Апресян 1974: 95—106). Например, глагол *показывать* имеет три валентности — субъекта, объекта и адресата. Толкование этого слова в самом первом приближении можно представить так:

(2) X показывает Y Z -у $\approx$ 'X предоставляет Z -у возможность видеть Y '.

Будем рассматривать предложения, содержащие лексему L . В них нас будут интересовать те выражения, которые обозначают участников ситуации L (= заполняют валентности L). Такие выражения и называются актантами лексемы L .

В зависимости от того, на каком уровне представления (семантическом или синтаксическом) рассматривается предложение, различаются семантические и синтаксические актаны.

Семантические актанты лексемы *L* представляют собой фрагменты семантической структуры, заполняющие ее валентности. Синтаксические актанты это соответствующие фрагменты синтаксической структуры. Способность лексемы *L* синтаксически связываться с такими фрагментами определяет набор ее синтаксических валентностей.

Для задачи выявления актантов предикатных лексем первостепенное значение имеет вопрос о соотношении семантических и синтаксических актантов и, в частности, о том, какую позицию могут занимать в предложении синтаксические актанты лексемы *L*.

3. УПРАВЛЯЕМЫЕ ВАЛЕНТНОСТИ: КАНОНИЧЕСКОЕ И НЕКАНОНИЧЕСКОЕ ЗАПОЛНЕНИЕ

Как мы уже упоминали выше, главным типом валентных слов являются, конечно, глаголы. Отчасти это обусловлено их семантикой, то есть тем фактом, что они обозначают действия, процессы, состояния — одним словом, ситуации, предполагающие участников. Однако не менее важно и то, что глаголы лучше других классов слов приспособлены для заполнения валентностей, поскольку они обладают способностью **управлять**.

В понимании управления мы следуем за концепцией Ю. Д. Апресяна (Апресян 1979), которая представляет собой развитие взглядов, высказанных в свое время Л. В. Щербой (Щерба 1958). В соответствии с этой концепцией (глагольное) управление имеет место тогда, когда глагол *X* заполняет свою семантическую валентность такой единицей *Y*, которая непосредственно зависит от *X* и имеет определенное морфологическое, морфосинтаксическое или синтаксическое оформление, диктуемое либо лексическими свойствами *X*-а, либо значением самого *Y*-а (Апресян 1979: 202).

В рамках теории «Смысл $\leftrightarrow$ Текст» выработан весьма мощный инструмент описания семантических валентностей и способов их заполнения — **модель управления**. С помощью этого инструмента можно исчерпывающим образом охарактеризовать все особенности управления каждой лексемы. Здесь не имеет смысла останавливаться на том, как это делается. За всеми подробностями мы отсылаем к основополагающим книгам Апресян 1974, Мельчук 1974, а также к словарям Розенцвейг 1976—1985, ТКС 1984 и DEC 1—3. Отметим лишь, что любое описание управления — как в рамках традиционных представлений, так и с помощью модели управления — ориентировано на **канонические** способы оформления актанта, которые **предсказываются** управляющим словом. Между тем, имеются ситуации, в которых управляющие слова заполняют свои валентности

Игорь Михайлович Богуславский

СФЕРА ДЕЙСТВИЯ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

Издатель А. Кошелев

Корректор Г. Л. Павлова

Подписано в печать 25.11.96. Формат 70x100 1/16.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная, гарнитура «Школьная».
Усл. п. л. 37,41. Заказ № 865 Тираж 1200.

Издательство Школа «Языки русской культуры».
121857, Москва, Бережковская наб., 24.
ЛР № 071105 от 02.12.94

Отпечатано с оригинал-макета во 2-й типографии РАН
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6

Оптовая реализация — тел.: (095) 240-32-13. E-mail: sch-lrc.msk.ru
Адрес: Москва, Бережковская наб., 24, ком. 10, местный тел.: 2-17.
Проезд: Метро «Киевская», автобус 91, трол. 17, 34, 4-я ост. «Библиотека».

*

Foreign customers may order the above titles
by E-mail: Lrc@koshelev.msk.su
or by fax: (095) 246-20-20 for M153.